

НИКОЛАЙ ПОЛЯКОВ



Коко — псевдоним артиста русского происхождения Николая Петровича Полякова, родившегося в городе Двинске, ныне Даугавпилс (Латвия) в 1894 году. Он появился на свет в буквальном смысле за кулисами местного драматического театра, в котором его мать работала костюмершей, а отец — бутафором.

...В 1929 году уже сложившимся клоуном, в совершенстве владевшим многими цирковыми жанрами, женатым человеком, отцом двух детей, Коко перебрался морем из Латвии в Англию. И здесь начался новый этап его богатой событиями жизни.

Двадцать пять лет проработал Коко в главном цирке Англии — лондонской «Олимпии», управляемой большим знатоком своего дела Бертрамом Молсом.

В клоунском образе Коко было много черт, как бы позаимствованных у ребенка — проказливость и любопытство; он был по-детски наивен и доверчив, шумлив и простодушен. И вместе с тем его сценическому характеру была свойственна пройдошливость, вечно втягивавшая его в переделки, из которых, впрочем, он всегда находил неожиданный выход.

Чаше всего этот неунывающий весельчак вел диалог с шпехталмейстером. Но в разные годы были у него и партнеры-резонеры. Последние лет десять Коко работал с сыном Майклом, который, как и отец, был Августом. На смешных стычках двух Рыжих строились выступления дуэта — отца и сына.

За свою творческую жизнь Коко переиграл едва ли не все классические антре: «Путешествие на Луну», «Денежный шкаф», «Отелло», «Ужин для директора», «Японская дуэль», «Динамит» — все и не перечислить. Стремительно развивающийся конфликт между Белым и Рыжим — основа всех этих нестареющих буффонад — предоставлял отличную возможность для веселых актерских импровизаций.

Но более всего Коко любил исполнять «Отраву», содержание которой сводилось к тому, что партнер — Белый клоун просил отнести и передать своей возлюбленной коробочку пирожных. А Рыжий втихомолку съедал лакомство. Вскоре партнер по-дружески открывал Рыжему «страшную тайну» — в тех пирожных был яд. «Через

пять минут, — патетически восклицал Белый, — коварная изменница умрет!».

При этих словах обычно Августы падали на ковер. Совсем по-другому проводил этот фрагмент Коко. Он на секунду другую замирал, пораженный известием, а затем вскидывал на публику опечаленные глаза и медленно обводил амфитеатр молчаливым взглядом, словно бы вопрошая — что же мне теперь делать? Так долго глядеть на публику, глаза в глаза, не суетясь, не гримасничая, а лишь испытывая смертельный страх, мог, пожалуй, только неподражаемый Коко. В его безмолвном переживании прочитывалось что-то трагическое...

Своего дома семья Поляковых так и не завела. В пору финансового благополучия они приобрели огромный, хорошо оборудованный автофургон, в котором Коко и провел всю оставшуюся жизнь.

По натуре аккуратист, Николай Петрович содержал свой угол у торцовой стены, отгороженный ситцевой занавеской, в идеальном порядке. Над столиком, уставленным гримировальными принадлежностями, в самом центре висело круглое зеркало в причудливой рамке, с двумя бронзовыми цепочками, под которыми болтался серебряный бубенчик, какие нашивали на свои колпаки старинные шуты. Справа полуобъемный царский герб, по краям — трехцветные флажки. А по другую сторону герба покачивалась на цепочке позолоченная фигурка льва — Царя зверей, вероятно, в качестве символа Британской империи — второй родины Полякова.

Человек украшает свое жилище тем, что ему особенно мило, что греет ему душу. Перед столиком была приколотая к стене фотография, на которой сам господин Черчилль пожимает руку капралу английской армии Николаю Полякову. Этот снимок обошел чуть ли не все газеты Великобритании.

В изящной серебряной рамочке висела акварель — изображение уютной церквушки. Дело в том, что в Лондоне издавна существует Клуб клоунов, который и ныне располагается в районе Дельстона. У клуба своя церковь (та, что изображена на акварели), в ее боковом помещении устроена галерея портретов знаменитых клоунов в костюме и гриме. Находится там и портрет нашего соотечественника Н.П.Полякова.

В углу фургона стоял самовар с одной ручкой — очень дорогая артисту реликвия. Ведь с ней так много связано...

Коко балансировал на лбу стол, на котором стоял кипящий самовар. В финале клоун отбрасывал стол и ловил самовар. Как-то на детском представлении случилась беда — у самовара оторвалась ручка, и крутым кипятком артиста ошпарило от груди до колен. «Несмотря на ужасную боль, я все же услышал взрыв детского смеха. Они думали, что это мое любимейшее занятие и что этому смешному человеку доставляет удовольствие облиться кипятком», — вспоминает артист. Он провалялся в больнице несколько месяцев. Кредиторы забрали имущество, и жена осталась без гроша с пятью малышами на руках.

В разгар зимы, обвязанный бинтами, Коко вышел из больницы, и они в фургоне тащились по заснеженным дорогам. Каждый ухаб, каждый сугроб причиняли больному ужасные страдания. Лошадь совершенно обессилела, упала и больше не поднялась. Остаток ночи им пришлось провести в фургоне, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть. Их спас проезжавший мимо фермер.

Семье нужно было собрать все свое мужество, чтобы пережить эти черные дни без работы, без куса хлеба. Они вынуждены были продать их общую любимицу Флокки.

Когда глава семейства поправился, дела пошли в гору. Вскоре он получил ангажемент в цирк Буша — самый большой в Европе.

А самовар без ручки остался зримым свидетельством о той незабываемой поре.

Самое большое место на стене фургона занимал огромный многоцветный плакат Виталия Лазаренко. Светлую память об этом клоуне Николай хранил всю свою жизнь. Ведь это он помог ему сделать первые шаги в качестве Рыжего.

Выступления Коко пользовались неизменным успехом, но особенно к нему были расположены дети. Обаятельный Август-проказник, ловкий плутишка и хитрец, встречи с которым всегда приносили столько радостного веселья, был их любимцем.

Николай Поляков навсегда остался прекрасной легендой мирового цирка.